

22 06 2015 Выходной

Иван и Александра

Совсем скоро 22 июня. Хотя с того летнего дня 1941-го прошло уже 74 года, но до сих в памяти и сердцах многих людей не изжиты раны, нанесенные войной. Если даже семья жила за тысячи километров от линии фронта, и над головой не рвались бомбы, от бед и тягот войны невозможно было укрыться... Похорожки на отцов и старших братьев, украденное детство, непосильная работа.

Вот и по судьбе героини этого очерка Александры Семеновны Силенко война прошла страшным катком, однако она, вопреки всему, смогла стать счастливой....

Шурочка

В 1940 году семья Логвиненко из цветущего украинского села Днепропетровщины, поехала в Акмолинскую область (затем после целинной эпопеи областной центр переименуют в Целиноград, и область войдет в состав Казахстана).

- Папа, Семен Порфирьевич, был против переезда, а мама настояла. В селе Ждановка Атбасарского района жил мамин брат, и он звал, говорил, что урожай хорошие, земли много, - рассказывает Александра Семеновна. - Вот и поехали, шестеро детей, самому маленькому два годика, мне 12, я с ним нянчилась. Ехали долго, почти месяц. На станциях отец бегал за кипятком, размачивали сухари - мама целый мешок насушила...

После буйства цветущих садов Украины природа была гораздо скромнее: степь, ковыли, ночью порой слышали вой волков... Но мама, Фекла Григорьевна, не унывала, устроились на новом месте.

- Уже после войны мы все не раз говорили о том, что у мамы сработало какое-то чутье, и мы уехали с Украины, а там деревни, все сады фашисты разбомбили и сожгли, наши места были под оккупацией, столько людей поубивали, угнали в Германию! Когда мама приехала в 1950-х годах навестить родню, то многие ее ровесницы, подруги, собрались и плакали-причитали: «Ну что же ты нам-то не подсказала, что уехать надо? И наши были бы живы...»

На новом месте Шурочка вновь пошла в 4-й класс, чтобы по совету учителя побыстрее освоить русский язык, так как прежде училась на украинском. Но учиться долго не пришлось: уже в 1941 году молодого учителя призвали на фронт, а через несколько месяцев на него пришла «похоронка». Работать в школе было некому, да и учиться детворе стало некогда. Старшего брата, 19-летнего Николая, призвали на фронт. В 1942 году на фронт ушел и отец, Семен Порфирьевич. Было ему 45 лет, он успел повоевать еще и на фронтах Первой мировой войны. Отец написал домой несколько писем, а в 1943 году пришло извещение: «Пропал без вести». (Почти через 70 лет уже внучка после долгого поиска в военных архивах выяснила, что погиб дед во время ожесточенных боев на Ленинградском фронте...)

В селе мужчин, кроме стариков, не осталось, а нужно было растить хлеб, ухаживать за колхозными коровами и овцами. Молодых девушек, в том числе и старшую сестру Шуры Ольгу, выучили на трактористок и комбайнеров, а девчонки-мальчишки с 13-14 лет стали работать и на поле, и на ферме. Как весной увозили молодежь «на бригаду», где предстояло пахать землю на быках, сеять, полоть, косить хлеба лобогрейкой, вязать снопы, составлять их в копна, затем вывозить на молотьюбу, так только в октябре привозили. Жили в землянке, спали на соломе.

- Трудно было, но чтобы отказаться, даже мысли не возникало, - вспоминает Александра Семеновна. - Бедность была ужасная: за работу в колхозе мы денег не получали, только трудодни, и порой на одежде даже заплатку нечем

было поставить. У меня юбка была из мешковины, а когда брат после ранения демобилизовался и отдал мне свою старенькую гимнастерку, я так радовалась этому подарку...

Как-то в колхозе не хватило сена, а у соседней кормов было больше, и потому решили, что скот из Ждановки будет на зимовку переведен в село за 35 километров. Ухаживать за скотом снарядили пять девчонок и троих парней. Вот и прожили несколько месяцев в чужом селе Шура с ровесниками впроголодь, ухаживали за скотом. А когда пришло время возвращаться домой, то никто не подумал о том, чтобы привезти девчонкам обувь: уезжали зимой, а возвращались уже весной, на дорогах лужи появились. Шура в валенках, они намочили, а погреться, посушить-то негде! Двое с лишним суток в мокрых валенках, ноги застудила, и болезнь осталась на всю жизнь...

Сейчас и представить сложно, как 15-16-летние девчонки грузили мешки с зерном на брички, как носили эти мешки на себе на элеватор, поднимаясь по высоченному трапу. «Медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют» - в 1946 году Александра получила медаль «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны».

Ваня

Семья Ивана Силенко из Ждановки переехала в село Ново-Александровское за несколько лет до войны: здесь была школа-семилетка. Ваня окончил школу, успел немного поработать в колхозе, а в 1941 году 18-летний солдат отправился на фронт. Сержант 47-го стрелкового полка 15-й Гвардейской дивизии воевал на Ленинградском фронте, получил медаль «За отвагу», затем был ранен, лежал в госпитале. Летом 1943 года - страшные бои на Орловско-Курской дуге. После разгрома под Сталинградом фашисты отчаянно сопротивлялись, населенные пункты переходили из рук в руки... Ивана ранили, он потерял сознание, а когда очнулся, то услышал немецкую речь.

- Ванюша говорил, что всегда боялся попасть в плен раненым, - рассказывает Александра Семеновна. - Но сейчас несколько фашистов шли по полю и добивали раненых красноармейцев. Вот и в него выпустили автоматную очередь, и спасло его лишь то, что он лежал на боку. Три пули прошли по лицу, а еще три попали в плечо и руку.

Его подобрала наша медсестричка, перевязала в медсанбате и отправила в госпиталь. Несколько операций по извлечению пуль, не раз переливали кровь, он долго, несколько месяцев, лежал с забинтованным лицом. И лишь когда повязки окончательно сняли, красноармеец Иван Силенко с ужасом обнаружил, что он... не видит! Поначалу врачи говорили, что есть небольшая надежда: левый глаз будет видеть. Но шло время, и надежды врачей не оправдались. Оказывается, лечили его в особом госпитале, куда доставляли красноармейцев с поражением зрения. Чтобы помочь молодым ребятам не впасть в отчаяние (20 лет — и слепой!), и врачи, и медицинские сестры постоянно твердили пациентам: «Вы же за Родину воевали!» Чтобы немного подготовить их к жизни в темноте, прямо в госпитале работали курсы по обучению чтению и письму по методике Брайля.

После полугодового лечения в госпитале Ивана Силенко привезла домой медицинская сестра. Он понемногу привыкал вновь к родному дому, а в 1946 году в музыкальном училище города Петропавловска набрали группу незрячих фронтовиков для обучения игре на баяне. Вот и Иван оказался среди студентов, пройдя отборочные испытания. В группе оказалось около 20 парней, учили их по особой методике.

Слепой музыкант и певунья

- Правда же, мой Ваня лучше всех, - показывает Александра Семеновна фотографию спецгруппы выпускников музыкального училища. И

действительно, Иван Силенко - высокий, статный, улыбчивый.

С баяном в руках жизнь Ивана изменилась: приглашали играть на танцы, на свадьбы, вел он занятия художественной самодеятельности. Как-то во время поездки в Ждановку, где жили его школьные друзья, летним вечером он долго играл на улице, а несколько девчат пели. Одна, с красивым голосом, попросила его подыграть ей украинскую песню. Это и была Шура. Потом он приезжал еще в Ждановку, играл, девчата пели. Затем случилось то, о чем говорил Экзюпери: «Самого главного глазами не увидишь, зорко одно лишь сердце...»

Иван позвал Шуру замуж, и она согласилась, хотя и представляла все трудности жизни с незрячим человеком: его всюду нужно сопровождать, и по хозяйству он не помощник.

Обосновалась молодая семья в селе Ново-Александровское Атбасарского района, пошли дети — Валя, Маша, Володя, Таня... Чтобы прокормить семью, завели корову. Сено косили вместе: Шура с литовкой пройдет ряд, поставит Ивана, укажет примерное направление, а сама рядом, чтобы не сбился. Вместе с родителями на покосе всегда были и дети: на глазах у мамы, а когда немножко подросли, то стали помогать – гребли сено.

В домашнем хозяйстве без техники плохо, и потому Александра освоила мотоцикл «Урал», сдала на права. Все легче, и на покос на мотоцикле добираться, а не пешком, и что-то привезти — свежей травки буренкам... Постепенно построили свой дом, посадили сад. Дети работящие, уважительные: отцу и газету почитают, и проводят на занятия в клуб. Материально жили трудновато: пенсия по инвалидности Ивана Дмитриевича да небольшая зарплата за самодеятельность. Александре Семеновне хватало работы по дому: корова, огород, на детей шить, накормить вкусными обедами. У нее все в руках горело: и шьет, и вышивает, и аппликации делает, и новомодное макраме освоила, только увидев красивую подвеску для цветов. А вечерами в семье Силенко часто пели под баян, а потом мама еще и на гитаре научилась играть, для сына Володи сделали ударную установку из подручных средств - настоящий оркестр!

Но вот подросла младшая дочка, можно маме и на работу выходить, а профессии-то нет: война не дала выучиться. Выручила директор школы, где учились дети, пригласив энергичную женщину в школьный буфет. Понемногу Александра Семеновна освоила бухгалтерию, стала продавцом в сельском магазине.

Как-то в сельпо привезли пианино - первое за всю историю села. И Александра Семеновна в рассрочку на несколько лет купила инструмент, потому что старшая дочка Валя очень хотела учиться музыке, была способной. Очевидно, сказались и увлеченность родителей музыкой, и домашние концерты, и одаренность девочки. В смотре художественной самодеятельности она стала лауреатом районного, затем областного и республиканского конкурсов. И хотя Валя не училась в музыкальной школе (в селе ее не было), девушку приняли в музыкальное училище, а затем она закончила на «отлично» и консерваторию в Алма-Ате. И вторая дочка, Маша, тоже увлекалась музыкой, поступила в музыкальное училище в Тимертау. Когда дочери приезжали на каникулы, то дом Силенко становился концертным залом: соседи любили слушать, как играют и поют Валентина и Маша.

...Дети выросли, выучились, завели свои семьи. Валентина и Маша - музыканты, преподаватели, Володя после армии закончил ТУСУР, Таня стала педагогом. Мужем Валентины стал томич, и Геннадий с женой пригласили родителей переехать в Томск. Произошло это в 1985 году, успели уехать до массового исхода русских из республик СССР, вызванного перестройкой.

«Дожить до свадьбы золотой»

Иван Дмитриевич и в Томске охотно откликнулся на просьбы играть на концертах художественной самодеятельности, на встречах ветеранов. Он и во время поездки в Дом отдыха «Заельцовский бор» был с баяном, часто играл по вечерам.

- Он любил один вальс, часто его исполнял, и в Доме отдыха как-то подходит к нам супружеская пара, муж тоже инвалид по зрению, - рассказывает Александра Семеновна. - И мужчина спрашивает: не учился ли Ваня в Петропавловске, в спецгруппе музыкального училища? Оказывается, они сокурсники, но так как друг друга не видят, то и узнал мужчина его по репертуару - по этому вальсу...

В 2000 году дети и внуки пригласили родителей на... их золотую свадьбу!

- Когда мы поженились, свадьбы не было, только расписались в сельсовете, и все, - вспоминает Александра Семеновна. - А через 50 лет мы на украшенных машинах приехали в Лагерный сад, затем возложили цветы к Вечному огню. Вокруг дети, внуки, все красивые, добрые, все нашли свое место в жизни. И здесь нас ждал еще один сюрприз от детей: подъезжает карета, на лошади - колокольчики, мы садимся, и нас везут до дома. Цок-цок, цокают копыта по проспекту Ленина, по Комсомольскому проспекту, а мы сидим, счастливые... Люди, увидев нас, останавливаются, улыбаются, поздравляют, кто приветливо рукой машет, а кто и кланяется нам.

А через три года ушел из жизни мой Ванюша. Сказались и раны фронтовые, и обида: пенсия у инвалидов первой группы по зрению всегда была небольшой, сейчас добавили. А ведь незрячему человеку как тяжело: без помощников не обойтись, за многое платить нужно, - продолжает Александра Семеновна. - Уходят фронтовики, и так это горько! В нашем подъезде семь человек жили, остался один. Сейчас-то их рассказы, их правда о войне ой как нужна, а то ведь уже слышишь, что не Германия напала на Советский Союз, и что победу одержали американцы...

А еще я все думаю: как бы помочь вдовам фронтовиков, труженицам тыла. Мне Бог дает силы, я сама хожу в магазин, в гости к дочке, с родными на дачу. А ведь многие пожилые женщины сидят целыми днями взаперти, когда родные уходят на работу, или живут одиноко. Они не могут самостоятельно выходить из квартиры, да и куда выйдешь в наши дворы, заставленные машинами? Вот есть центры детского отдыха (я их называю пионерскими лагерями), а почему бы один такой лагерь для бабушек не построить и назвать «Вдовам России»...
Артем БАЙКАЛЬЦЕВ.